

Он не успел произнести ни слова, как в его поле зрения хлынули потоки цифр и информации, сопровождаемые легкой болью.

Чжан Сяо, хотя и не мог проявить свое ментальное тело, обладал самым выдающимся чувством равновесия и способностью к анализу за всю историю Колледжа передового управления «Новая надежда».

Большинство часовых и проводников, которые ценили практические навыки, не придавали особого значения этим двум уникальным способностям: если чувство равновесия еще можно было считать полезным, то способность к анализу у всех была примерно на одном уровне, и не было необходимости выделять ее для отдельного изучения.

Однако Чжан Сяо сначала побил рекорд, державшийся двадцать шесть лет, а затем в каждом семестре продолжал улучшать свои результаты в тестах на эти навыки.

Это было единственное, чем он мог гордиться.

Но сам Чжан Сяо не считал это чем-то особенным. По сравнению с такими бесполезными способностями, выдающиеся навыки адаптации, аналитическое мышление и даже физическая подготовка казались куда более значимыми.

Тонкая игла, выдвинувшаяся из панели прибора Чэня, пронзила его кожу, забрав образец крови и клеток поверхностного слоя кожи, и мгновенно провела анализ ДНК Чжан Сяо.

Так называемые «особые люди» — зомби, подземные жители, часовые и проводники — на самом деле были людьми с хромосомными мутациями. Прибор Чэня распознал мутировавшие хромосомы Чжан Сяо, подтвердив, что он является проводником, способным управлять своими способностями. После этого клапан открылся, и бесчисленное количество информации, хранившейся внутри прибора, начало проникать в сознание Чжан Сяо. Он был ошеломлен огромным объемом данных и цифр, но тут же нашел в этом хаосе путь: каждый раз, когда прибор Чэня запускался, он оставлял запись о запуске, и вся информация была помечена временем и координатами.

В октябре 1976 года прибор Чэня зафиксировал первые координаты. Это было место в северном полушарии.

Записи показывали, что эти координаты принадлежали экспериментальной базе №0625 Национальной академии высших исследований.

Все больше текста появлялось на экране: содержание эксперимента, состояние прибора Чэня, имя записывающего, наблюдатели, разработчики, тестировщики... и, наконец, «ответственный Чэнь Чжэнхэ».

Это была запись о создании прибора Чэня. Она была простой, но в то же время сложной, состоящей только из имен исследователей и множества цифр, которые Чжан Сяо не мог понять. Но в конце записи автор оставил одну фразу: «Теперь мы можем видеть историю напрямую».

В июне 1977 года на приборе Чэня появились координаты, отличающиеся от тех, что были у базы №0625. Эти цифры были знакомы Чжан Сяо — это было расположение склада Нацмузея.

Команда Чэнь Чжэнхэ передала прибор государству.

После успешного завершения разработки прибор Чэня больше не обновлял координаты и время. Очевидно, он был сразу же запечатан после завершения эксперимента и снова активирован только в день передачи.

Запись за этот день оставалась сухой, без эмоций и лишних деталей. Автор записи был тем же, но он больше не оставил ни одного слова, которое могло бы выдать его чувства.

В марте 1981 года прибор Чэня снова был активирован.

Местом запуска стал Главный госпиталь Народно-освободительной армии, а человеком, запустившим его, был Чэнь Чжэнхэ.

На смертном одре Чэнь Чжэнхэ больше всего хотел прикоснуться к созданному им прибору Чэня. Этот небольшой прибор, названный в его честь, ни разу не был использован до того, как его запечатали.

На этот раз не было записывающего. Чэнь Чжэнхэ активировал прибор и оставил его включенным, не выключая. Запуск продолжался двадцать один час.

Через двадцать один час Чэнь Чжэнхэ скончался, несмотря на попытки спасти его. Прибор Чэня верно записал сердцебиение и пульс своего создателя, терпеливо ожидая, пока цифры постепенно не обнулятся, после чего снова погрузился в сон.

В сентябре 1981 года на приборе Чэня появилась новая запись.

Его активировал один из разработчиков того времени, и на экране появлялось все больше текста, от которого у Чжан Сяо начала кружиться голова.

Вскоре он заметил одно слово: «Тестирование серийной модели».

Через полгода после смерти Чэнь Чжэнхэ его команда наконец смогла получить разрешение на массовое производство новых приборов Чэня, используя этот аппарат в качестве прототипа.

Во время производства и тестирования серийных моделей прибор Чэня оставался включенным. Потоки информации намного превышали порог, который Чжан Сяо мог воспринять и понять.

Он чувствовал себя как кэтчер на бейсбольном поле, перед которым стояли тысячи питчеров, бросающих ему мячи. Прямые подачи, крученые мячи, слайдеры — стиль каждого питчера был разным, и никто из них не слушал его сигналов, просто бросая в него бесчисленные мячи весом 148 грамм.

Единственное, что он мог сделать, — это раскрыть перчатку и быстро двигать локтем, ловя мячи, летящие со всех сторон.

— Чжан Сяо.

Кто-то позвал его.

Этот голос был одним из тех, что ему нравились, от которых у него могла пойти кровь из носа.

Чжан Сяо с шумом выдохнул и открыл глаза. Неизвестно когда, он уже сидел на стуле, а Гао Цюн наклонился, чтобы снять с его запястья прибор Чэня.

Вернувшись из яростной игры в бейсбол в реальность, Чжан Сяо не мог сразу адаптироваться,

тупо глядя на Гао Цюна. Тот поднял прототип, осмотрел его и надел на свое запястье.

Однако ничего не произошло. Он постоял в замешательстве, затем снял прибор и передал его Чжан Сяо.

— Спасибо, что позвал меня обратно... — тихо сказал Чжан Сяо. — Я чуть не потерял сознание.

— Этот прибор работает только на проводников? — спросил Гао Цюн. — Но Юань Ивэй тоже носил его, и ничего не случилось.

Он сделал паузу и тихо спросил:

— Что там внутри?

Чжан Сяо смотрел на него, не говоря ни слова. Внешность и голос Гао Цюна полностью соответствовали его вкусам, но почему-то Чжан Сяо чувствовал, что не может просто так рассказать ему все.

Гао Цюн явно сильно интересовался Чэнь Чжэнхэ и его командой разработчиков, но он не мог получить никакой информации из прототипа и не мог получить доступ к терминалу Ин Чанхэ.

Поэтому теперь Чжан Сяо стал его единственным и самым надежным источником информации.

— Некоторые вещи, связанные с Чэнь Чжэнхэ... но сейчас я немного запутался, — Чжан Сяо дрожащей рукой достал телефон. — Может, давай обменяемся WeChat? Вечером, когда я успокоюсь, мы сможем спокойно поговорить.

Гао Цюн выпрямился и посмотрел на Чжан Сяо сверху вниз.

— Ты меня отсканируешь или я тебя? — быстро спросил Чжан Сяо, открыв интерфейс и с надеждой глядя на Гао Цюна. — У тебя в друзьях много людей?

— В защитном поле запрещено носить электронные устройства без разрешения. Штраф сто юаней. Рабочий день закончен, пойдем пообедаем, — сказал Гао Цюн. — У меня нет телефона, днем приду, отсканирую тебя.

Чжан Сяо обычно не возвращался домой на обед. Он вышел через другой проход Комитета по управлению культурными реликвиями, быстро поел и выпил немного напитка.

Кроме Красного терема, у Комитета было еще два скрытых прохода. Один находился у выхода канализации в одном из переулков, а другой — во дворе уединенной чайной «Брат Цю», где стоял бочонок с водой.

Чайная «Брат Цю» была маленькой, старой и едва сводила концы с концами. Круглый год она продавала только фирменный молочный чай и два набора: А и В. В жару иногда добавляли фруктовый чай, а в холод — суп из лонгана, фиников и имбиря. Популярности было мало, доходы были скромными, и волосы владельца, как и его доходы, были редкими и жалкими.

Чжан Сяо мог получить бесплатный фирменный молочный чай в чайной «Брат Цю», показав свой бейдж Комитета. У него не было дохода, поэтому он заглядывал туда каждый день.

Владелец, брат Цю, был бывшим сотрудником Комитета. Чжан Сяо не знал, какую должность он занимал, но точно не просто продавал чай и фастфуд. Он несколько раз осторожно

спрашивал об этом, но брат Цзю был скуп на слова. Если Чжан Сяо слишком настойчиво спрашивал, он холодно усмехался, и его маленькие глаза, скрытые под толстыми веками, сверкали хитростью.

Этот блеск было нелегко заметить, Чжан Сяо приходилось наклонять голову, чтобы сначала найти его глаза.

Пообедав и немного пообщавшись с хозяином в формате стендапа, Чжан Сяо, оценив, что время подошло, быстро пролистал свой WeChat, убедившись, что там нет ничего, что могло бы снизить симпатию Гао Цюна к нему. Затем он быстро добавил фильтры к только что сделанным фотографиям набора и чая, опубликовал их и довольный ушел.

— Хотя чай и еда невкусные, но послеобеденный отдых бесценен... — брат Цзю посмотрел на свой телефон и плюнул. — Что ты публикуешь в WeChat! Если невкусно, не ешь!

<http://bllate.org/book/16847/1550049>